

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 20

1985

Геннадий ЛУТКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

УЛИЦА ОТЦА

Геннадий ЛУТКОВ

УЛИЦА ОТЦА

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Геннадий ЛУТКОВ

Лутков Геннадий Яковлевич родился 2 декабря 1931 года в городе Россоши Воронежской области. После окончания десятилетки работал в Казахстане и в Сибири. Переменил много профессий. Окончил Воронежский государственный университет.

Геннадий Лутков — автор поэтических сборников, вышедших в Воронеже и в Москве: «Снова весна», «Разлив», «Здравствуйте, звезды!», «Люди и птицы», «Мальчишка с магнитофоном», «Светящиеся снопы», «Светелка», «Мельница», «Егорова река», сборников рассказов для детей «Павлинье перо», «Я рисую паровозы», повести «Поговорим, отец».

На его стихи написаны песни композиторами В. Белым, Л. Афанасьевым, Г. Ставоным, Г. Пономаренко, К. Массалитиновым, Е. Шелемановым, В. Руденко и др.

Геннадий Лутков — член КПСС, член Союза писателей СССР.

УЛИЦА ОТЦА

«От центра села Куликова Усманского района Липецкой области берет начало новая улица. На крайнем доме появилась табличка с именем большевика Якова Ильича Луткова», — сообщала газета «Правда». Так она названа в честь моего отца, командира продотряда, действиям которого дал высокую оценку Владимир Ильич Ленин, выступая в Сокольническом клубе Москвы 21 июня 1918 года.

Уткнуться в гимнастерку и, немея,
Вдыхать тепло отцовского плеча.
Как сладко новенькая пахла портупья,
Тоску разлуки радостно леча.
Мы расставались часто, слишком часто,
И нам с тобой никто б не смог помочь.
Вы все, от рядового до начальства,
Не знали — день сегодня или ночь.
Так мало солнышка. Все сплошь метели.
Живи, темляк у шашки теребя.
Не выбрался всю жизнь ты из шинели —
Единственной одежды для тебя.
Такие в горькие деньки не кисли,
И положиться на тебя могли.
Ты хлеб кулацкий в самом точном смысле
Умел достать не раз из-под земли.
Что ж, смельчаков чуть реже убивают.
В себе носил трех долгих войн металл.
Такое на Руси не забывают.
Вот, батя, ты и улицею стал —
Немножко незнакомый, необычный,
Ты — брови, нос, улыбка... тут — дома...
Сражались все. Но соль заслуги личной
Определяет Родина сама.
И это ты. Да, это продолженье
Тебя, всего, что сделано тобой.

Здесь будут свадьбы, будут дни рожденья,
Твоею осененные судьбой.
Я с несвязуемым опять свяжусь,
Спрошу мальчонку, рыжего такого:
— Ты где живешь?
— На улице Луткова.
И я слезы своей не застыжусь.

* * *

В рассветных каплях яблочная завязь,
Сарайчик с прислоненною косой.
Топор на пне, едва его касаясь,
Железно-деревянной стрекозой.

Дорога за некрашеным забором,
Еще под колесом не ожила.
Но кое-где уже стучат запоры,
Впуская утро в дом, а с ним дела.

И все кругом открытие и тайна —
От облака до уголька в золе.
Петух с хвостом, изогнутым фонтанно,
Разглядывает что-то на земле.

Ну что ж, в чередование света мудром
Мы все же любим больше свет, чем тьму.
И говорим друг другу: с добрым утром! —
Еще не зная, быть каким ему!

* * *

Петух купается в пыли,
Что этим доказать он хочет?
Что пыль все та ж вода, и мочит
Он перья жаркие свои?!
Купается... А небо знойно...
В нем ни движенья... Но вдали
За краем поля беспокойно,
Там тучи тихо выросли.
Они пока что на земле,
Но ведь они летать умеют,
И скоро будут здесь... Немеет
Цветок, открывшийся пчеле.

Как будто вымерло село,
Селом не назовешь — уж очень
Мало, но радость всем пророчит,
Кто чтит отцовское крыльцо.
Тут покумекал не один,
Всем миром порешили, верно —
Все на глазах, все рядом — ферма
И кладбище, и магазин.
Нет тайных бед, как и забот,
На каждого свой куль возложен,
С двумя соседями возможно
Поручаться через забор.
Сад — к саду, день — ко дню... Полней
Жизнь около других, безгрешней.
А вот поля — поля безбрежны,
Откуда ж берег у полей?

* * *

Чтоб далью стала даль — в ней должен быть предмет:
Столб, дерево какое-никакое...
И даль тогда, как даль! То полная покоя,
То взявшая грозы идущей свет.

То встанут на бугре, как памятники, лоси,
То вдруг дымок окутает жнивье...
А если даль пуста, пуста и безголоса —
Она, конечно, есть, и все же нет ее.

* * *

Коровы вдоль пруда бредут лугами
И глину красноватую толкут.
В воде их отражение вверх ногами,
Как будто бы идут по потолку.

И бык, похожий важностью на шаха,
Поодаль. Властью изведен вконец.
Исправно отмечает тяжесть шага
Коротким звяком медный бубенец.

Над ними овода, закат над ними,
И вызревшая первая звезда.
На взгорье впереди белеют нивы,
И ласточки лохматят провода.

Пастись — коров заглавная работа,
И день порой как год, порой как миг.
Поселок раскрывает все ворота
И провожая и встречая их.

Буренкой поименно он доволен,
Стоящий в стороне от большака.
И ведер перезвон так колоколен
Во славу трав, во славу молока!

* * *

Грач чистит клюв, наверно, это важно,
Как грязным золотого взять жука?
А над селом моим одноэтажным
Опять многоэтажны облака.

Водою заровняв свои колдобины,
Ушла дорога под навес хлебов.
И провода на грабельках столбов,
И запах сена — милый запах Родины...

* * *

В закате желтом черные деревья,
В осоке черной желтая вода.
Счастливо повторенно все, что древне,
Что словом узаконенно: «Всегда».

Всегда — ведь это надо же — всегда!
Сегодня. Завтра. Послезавтра. Вечно.
И дерево. И птица. И вода.
И человек. И человек, конечно.

Припрятал улей крашенный пчелу.
Луга прощальным светом затопило.
И все, что есть, дыханье затаило,
Прислушавшись к чему-то. А к чему?

* * *

Сено у оленя на рогах,
Иль бодал стожок на луговине?
Утро. А росы нет и в помине,
Улетела на семи ветрах.

Ручеек в тени холодных лоз,
Ржавчик — так его название местное.
Ложь будто у него железное
И от сыри ржавчиной взялось.

Я по бережкам его пойду
Перепрыгивая, где попало,
И открою для себя немало,
И беду от сердца отведу.

И кукушка мне из-за болота
Столько посулит годков опять,
Что, задумавшись, собьюсь со счета,
И махну рукой — чего считать?!

СЕЛО, ОСВОБОЖДАВШЕЕ ЕВРОПУ

За триста лет перевидав всего,
Приветом-лаской многих полонило
И пехом на войну пошло село,
То бишь его мужская половина.
Позвало сердце и военкомат,
Тут не было нисколько разногласий.
Село — в одно лицо на первый взгляд,
А в нем-то Сеней, Ваней, Петей, Васей...
Сплелось все — деды, внуки, свекры, зяти,
И кровь, и на седьмой воде кисель.
Они и Будапешт, и Вену взяли,
И меньшего калибра сотен семь.
И, не робеющие под огнем,
Потом дворцы разглядывали робко.
Оно не уцелело в основном —
Село, освобождавшее Европу.
Качалось на плоту и на возу,
На минном поле стезку выбирало,
Пилоткой и ушанкой вытирало
Соленный пот, соленую слезу.
И, наступая недругу на пятки,
Лафет разбитый превращало в стол.
Оно рвало гармони в сорок пятом
И ело лебеду в сорок шестом.
И оказалось — все ему с руки
И на своей земле, как там, за Вислою.
И невернувшиеся мужики
На памятнике золотом записаны.

И сеет хлеб оно, и хлеб жует.
И к хлебу есть, есть прибавлень к роду.
Все, кажется, о нем. Оно живет —
Село, освобождавшее Европу.

* * *

Жары оглуляющей мука
В разгаре июньского дня.
Мотается в комнате муха,
Совсем оглушила меня.
У самой калитки дорога,
Вон там на плотину свернет,
Потянет пылицу до лога,
Где пруд с малым стажем сверкнет.
И дальше и дальше — в поля,
Под то незабытое небо,
Где запах горелого хлеба
Сожженная знает земля.
Где беженцев слезны заботы,
Всего в полминуте от слез.
Где тачки, телеги и что-то,
Везущее скарб без колес.

И в этом понуrom потоке
Я издали вижу себя.
А где у потока истоки —
Не знаю, подол беребя.

Подол материнский в горошек,
Надежнее нет ничего.
Он пылью, как я, припорошен,
От пыли все в прошлом черно.
И вдруг над тоскою просторов,
Потоком, сползающим в ров,
Пикирующих моторов
Живой, не бензиновый рев.
Тяжелая дробь пулеметов,
Нас пересчитавшая вмиг.
И кто-то кричит еще, кто-кто
Уже на полыни затих.
И в поле все смерти открыто,
Пропеллера блещет кольцо.
И сквозь плексиглас «мессершмитта»
Веселое, злое лицо.

* * *

Медвежье Ухо желтую метелку
На ветер выставило: ну, качай!
И он качает. Солнце только-только
Большого поля подпалило край.
Там колос в колос. В теплой позолоте
Земля с извечной радостью утра.
По людям наскучав и по работе,
Себя разогревают трактора.
И ветер перестук моторов сносит
К лугам, к изгибу светлому реки,
И бьются растревоженно колосья
В косилках, чтобы тотчас лечь в рядки.

* * *

Пруд как корыто земляное,
В нем не шелохнется вода.
Истома пасмурного зноя.
Дождь близко. Он идет сюда.
Он обстоятельно, он медленно
Захмуривает все вокруг.
Он ни одной не сделал метины,
И пылен лист, и воздух сух.
Но вот шумок густой и сочный
Прошел к воде над ивняком.
И каждая дождинка — точка,
Вмиг обведенная кружком.
И заблестел кустарник тощий,
И влажный свет на лепестках.
И пруд весь в точках, в точках, в точках,
В кружках, в кружках, в кружках, в кружках!

* * *

Хоть на закате лето, но как знойно!
Свернул свой лист кустарник, не стерпя.
И белая стерня до горизонта,
Да и за горизонтом все стерня.

Убрали. Все. Так люди порешили.
Теперь уже о новом хлопочи.
Что обронули руки и машины,
Не упускают из виду грачи.

Гремели день и ночь грузовики,
За хлеб, перестоявший хлеб в тревоге.
Уж так пылили, так, что у дороги
Ромашек почернели лепестки.

* * *

Не могу я представить себе и во сне
Под березкой слона, крокодила — в речушке.
И павлина с метровым хвостом на плетне
Средь горшков, находящихся здесь на просушке.
Это там, далеко... Нам они ни к чему.
Вот петух — это да! Коршун тоже на месте.
Я имею в виду, на своем. И чирку
Быть и быть. Попридумано все честь по чести.
Окунишка, конечно же, не осетр,
Но он мил мне — с колючками, большеротый.
В этом долгом-предолгом лесу из осок
Он, тигровой раскраски, славит наши широты.
Это мир наш — и с тропкой, и с пыльным репьем,
С красным майским жуком, с васильком, с иван-чаем.
Во главе с неизвестнейшим воробьем,
До того уж известным, что и не замечаем.

* * *

Как долго здесь осокори росли,
Какие кроны развернули к лету!
У переезда, мокрый от росы,
Шлагбаум — родственник сорок по цвету.

А дальше колея в сыром песке,
И красная сосна, и трав сплетенье.
Твое очередное обретенье
Того, что не забыто вдалеке.

Он здесь с оледенения земли,
Тот белый камень у речного брода.
Чего ж ты виновато хмуришь брови?
Ты их нашел.
Они тебя нашли.

Какая же затягивает сила
Сюда, где так весной заря бодра,
Где силуэт молящийся бобра
На только что поверженной осине?

* * *

Вечерних облачков высотное перо,
Уходит в глубь заката уток стая,
Весь день сегодня здорово пекло,
Пригорки чуть дымятся, остывая.
И ты услышишь на реке весло,
И шорох ящери в крапиве пыльной.
Услышишь по раздельности село
Во всей его усталости всесильной.
Чего б душа ни попросила — дай!
Узнай — куда это дорога вьется?
И почему столбы уходят вдаль,
Но каждый все ж на месте остается?
И снизойдет на душу благодать
Покоем ослепленного лета.
И ты себя вдруг станешь понимать,
Как понимал других — когда-то, где-то...

* * *

Пятнистая луна, луг мокрый по-вечернему,
Жука глухой, затяженный гуд.
Река белеет, берегом очерчена...
Как люди от такого вот бегут?

А ведь бегут. Кто за рублем подлиньше,
А кто не за рублем, а потому
Что-де пахать не модно и нелишне
Пожить в густом промышленном дыму.

Не здорово, но все же объяснимо.
Но есть людей еще особый род:
Питаются с отечественной нивы,
А жадно за границе смотрят в рот.

Вкруг зажигалки ахают весь день —
Привезена фитюлька из-за моря! —
Открытья поджидают их везде,
За исключением своего подворья.

Над джинсово-помадной суетой,
Над дерганной магнитофонной речью,
Не прибедненной истине навстречу
Приходит даль моя в росе густой.

Даль, где качаются на ветке зяблики,
Где в чьей-то памяти и я живу.
Где с неба звезды падают и яблоки
В холодную высокую траву.

* * *

По лугу лента желтая песка,
Изгиб, изгиб — ни плеска и ни блеска,
Еще один изгиб у перелеска,
Земля запомнила: была река.

Была река. Осталась только форма
Движения воды. Да серый куст
Над бывшим омутом. Уж не покормит
Рыбешкою село. Забыт рыбешки вкус.

А ведь текла, текла издавека
И вдаль текла. По-русски говорлива...
Не дай бог пересохнуть, как река,
Чтоб люди отводили взгляд тоскливо!

* * *

Веслом ведет девчонка ловко,
В улыбке притаенной рот.
Завалена грибами лодка,
Того гляди, воды черпнет.

И на носу долбленки узкой
Впередсмотрящим рыжий пес.
Куга разгородилась в устье,
В неяркой голубинке плес.

Дымок белесой паклей липнет,
В цветке копается пчела.
Лежат на дне песчаном листья,
Что затонули не вчера.

Поменело забот о хлебе,
Грачей не видно в борозде.
И осень желтая то в небе,
То отраженная в воде.

* * *

Ищу картошку прутиком в золе.
Заката жар. Оцепенели листья.
Упала груша, брызнула искристо,
Став лужицею сладкой на земле.

В таком вечернем часе все знакомо.
Душе, пускай ненадолго, нужны
И мир, и успокоенность, и дрема,
И свет непогрешимой тишины.

* * *

Перекатили через дамбу гром
Колеса разудалые телеги.
Безоблачно. И солнце над бугром
Не огненно, а в изначальной неге.
Дверей разноголосица слышна,
Идет стряпня торопкая по хатам.
Вот кнут стрельнул, чтоб неслухам рогатым
Напомнить: дисциплина всем нужна!
Стучат ботинки, сапожищи, туфельки,
На страх грязизище, модам всем на страх,
Чтоб тютельница, как говорится, в тютельку
При деле быть — на ферме, и в полях,
И в школе, и в конторе... Скучной лени
В деревне нет. Ее не скрыть от глаз.
Идет обычное приготовленье
К работе, к главному, что есть у нас.

* * *

Вечер над песчаною Саранью,
Дым из труб отчетливей в заре.
Лошадь сеном хрумкает в сарае,
И телега дремлет во дворе.

Позади и степи, и тревоги,
День, ушедший в огненный распыл.
И на спицах память о дороге —
Въедливая розовая пыль.

Лошадь и телега дело знают.
Знают туго. Так уж вышло тут.
Как ни дружат — порознь отдыхают.
Вместе их соединяет труд.

* * *

При жизни в цвете видеть жизнь дано.
И пусть она черна, но есть в ней место краскам.
Не перестанет синим быть окно.
А солнце красным вместе с вишней красной.
И лошадь белая в лугах, и сено
С такою золотишкой молодой!
И даже то, что от рожденья серо,
Довольно этой серой красотой.
Искрит под теплым ветром березняк,
И света яблоко полно, коль вызрело.
И в мой последний миг все будет так,
Как в только выключенном телевизоре.
Цвета погаснут. Мир, мир удивительный,
В котором долго был я неспроста,
Уменьшится до точки ослепительной,
А после все затопит темнота.

* * *

Сколько на подсолнечнике пчел!
В листьях желтый зной жужжит пчелино.
Я тебя за благодать поchl,
Излучающая свет долина.

Просто на тебя глядят селяне:
Семечки, мол... масло... Что ж еще?
Молчаливое твое сиянье,
От него под сердцем горячо.

Сладки шелушащиеся соты,
Затаил подсолнух семена.
Каждый — солнце. Но за главным солнцем
Вертит головою дотемна.

Это все, как говорят, не с ветра,
Где такое встретишь, как у нас,
Чтобы столько золотого света
Разом и насколько хватает глаз?

И во мне как не бывало боли,
Перед всем теперь, как на духу.
До того ты радостное, поле,
Что не улыбнуться не могу!

ГИМН КОРОВЕ

С рогами, а ее хоть на икону!
Святая! Для ребят вторая мать!
Как с грудью материнской разлучатся,
Так за ее берутся молоко.
И с ним уж до конца, до часа грустного,
Когда опять в беспомощности мудрой,
Пред вечной мглой становятся детьми.
С коровою не знаем мы разлуки.
А встреча — в детстве. А оно, бывало,
И есть и будет разным это детство.
В тылу голодном, с желтой похоронкой
На дне уже пустого сундука.
Прифронтовое детство, фронтовое.
И пострашнее — детство в оккупации.
И там, где корчилась на флаге свастика,
Корова, если только уцелела,
Не позволяла детству умереть.
Коль недород — спасение корова.
Без хлеба как-то можно продержаться,
А без коровы уж никак нельзя.
Пожар — и все бросаются в сарай,
Чтоб животину уберечь! И только
Потом за тряпками в горящий дом.
Какая ни была бы им цена,
Но все равно коровы не дороже!
Она с Войною связана и с Миром,
Ведь рядом с ней всегда была Беда
И Радость, как пора, Беду сменявшая.
И после всех благодеяний, после
Всего, что вместе вынесли, корову
Назвать скотиной как-то неудобно!

Мы просто не умеем разглядеть
Свет человечности вокруг головы
Ее рогатой. А он есть, конечно!
И бесконечны дни ее Добра,
Как все людское в мире бесконечно!

* * *

Дожди и дожди... Поржавели березы...
Берет свое осень. На время берет.
От влаги трава на пригорках белеса.
Набухли плетни, потемнеть их черед.
Пластается низко туман за деревней.
И все, что повыше, срезает подряд.
И кажется, что и столбы, и деревья,
С землю не связанные, парят.
У старого сруба, у скучных раки
Копыто прочавкает, с лужей встречаясь,
Ворона присядет, взлететь собираясь,
И тут же, раздумавши, засеменит.
И солнце пробиться не может утрами,
Чтоб зайчик плясал на стекле озорной,
И капли — на ветке, и капли — на раме,
Они на бровях и на ручке дверной.
Овраги водой затекли и ложбинки,
Так мокро, что на воду нет дележа.
На землю сухую зима не ложится,
Ей прочная сцепка с землею нужна.

* * *

В грязи у деревенского пруда
Колеса топит старая телега.
Холодный ветер. Всколмлена вода.
Трава зеленая торчит из снега.
И вытянулся дым вдоль серых крыш,
И облака летят — не остановятся.
И сам ты в слякоть выйти не спешишь,
И люди домоседами становятся.
И зря распутицей себя не зли,
Ничто колеса на селе не сдвинет,
Пока в комки истаявшей земли
Мороз железа утром не подкиннет.

Пророс цветок лиловый под копной,
Сечет лицо из туч провисших крошка.
Немножко лета, и зимы немножко,
Но больше осени, ее одной.

* * *

Сморила нас грибная усталь,
Не чувствуем ни рук, ни ног.
Пол земляной полыньёю устлан —
Так здесь спасаются от блох.
И батя мой храпит победно
В избушке, спрятанной в ночи.
Луна вторичную побелку
Во тьме устроила печи.
В лукошках рыжики уложены,
В хвоинках шляпки у маслят.
Мне восемь лет. Все так несложно.
Все прочно. Вечно. Небо, сад.
Отец... Недолго ночи длиться,
И, каждым перышком видна,
Похожая на детство птица
На ветку сядет у окна.

* * *

Лес в сто цветов! Не то что, брат, зимой —
Снег, снег, еще раз снег, куда вы ни пойдете...
Прозрачный трепет листьев над землей,
Как будто стайка бабочек в полете.
И поприбавилось в глуши людей,
Здесь все надеются найти искомое.
И корку апельсина муравей
Обследует: да, что-то незнакомое!
Апрель дает на холода зарок,
Дымок, в траве запутавшийся, тает...
В норе под черным деревом чихает
Какой-то затаившийся зверек.
Забыли тяжесть сердце и плечо,
Что ж, беды в нас не все, не все сломали.
В нас — дух сосны нагретой и еще
В нас то, чего не объяснить словами.

* * *

Поезд давно уже прошел. Стрекоза
Греется, не опасаясь, на рельсе.
Стала прозрачной берез полоса,
Клен у развилки тропы разгорелся.
Все еще дышит: и травы и пни,
Свет заливает лужайки по-летнему.
Осени первые звонкие дни,
Первые ясные. И не последние.

* * *

Светлеет муравой заросший двор.
Огонь вишневый в небе гуще, гуще...
И распахнулся радостно простор —
Сам распахнулся — перед всем живущим.
Тень от осоки ветрено-легка,
И вздрагивает щука на кукане.
От берега до берега река
Открылась всей водой — вот я какая!
Из повсеместных чудаков чудак,
Доверчивости этой не нарушу.
И птица крылья распахнула так,
Как будто птица распахнула душу!

* * *

Это все его угодья:
Пруд и луг, да двор, как луг.
Погогатывая ходит,
Изучает все вокруг.
Берег глинистый — уступом,
Голубой татарник густ.
Разве лебедю уступит
По осанке белый гусь?
Он фрегатно выгнет шею,
Покачнется на воде.
Хоть на холст — и в галерею!
Только взять такую где?
Мураву он щиплет ловко
И ребят, коль есть нужда.

Да, такого жаль в духовку,—
Здравствуй, лапчатый, всегда!
Все при лебеде — не спорю —
Шея, снежное крыло.
Только гусь-то, он как поле,
Как березки. С ним светло.
Жить такой привычке вечно,
Вот и недолга тут вся.
Я за лебеда, конечно,
Но ведь я и за гуся!

* * *

Белый весь, без единой кровинки, закат,
Черный луг, и ленивые черные птицы,
Будто в небытие, вдаль неспешно летят,
Чтобы в свете застывшем легко раствориться.
Каждый листик свой остановила ветла.
Замерла, вспоминая далекое что-то.
Вот уже у развилки изба не видна,
Цепкий, низкий парок закурдюжил болото.
Стал невидимым лес в навалившейся мгле,
И последние звуки тишина убирает.
И сейчас, в этот миг, все, что есть на земле,
Благодарно и грустно,— ведь день умирает.

ВОРОНЕЖСКОЕ СЛОВО

Егору и Евгении Исаевым

В игре с нуждой здесь карты не кропили,
Как люди, нарождались здесь слова.
Здесь никогда не говорят: крапива!
А так кусуче, хлестко: крапива!
Коль заплотшал, душа и тело чешутся,—
То в баньку, как в чистилище, ведут.
Что плохо выглядишь — не распотешатся,
А вежливенько: «Краше в гроб кладут».
А уж напакостил, накликал беды,
И близкие твои ревут ревмя,
С горчинкою, как выдохнут: «Откеда
Такой взошел ты? Нету окромя!»

«Раньше девок угощали
Орехами, конфетами,
А теперь вот угощают
Только сигаретами».
Частушку кovyрнут из чернозема —
Хоть помирай, хоть заново родись!
«На днях» — как это скучно и казенно!
И как округло-звонко — «анадысь».
«Ружо» свое да и себя не хай,
Раз на охоте с парей был несметливым.
Как в воздухе плывет олень — и вслед ему
Такое добродушное — «нехай!»
Названья сел... Как прошлое испить:
Гвоздевка, Животинное, Отрадное...
И нитку — «вздеть», детишки плачут — «цыть!»,
Привалит счастье в дом, так «агромадное»!
Что, до словечек местных докатился?
Что, в языке великом недород?
Довесок к языку — диалектизмы,
Но их ведь тоже выдумал народ!
Так что ж, забыть? Оставить их в покое?
На кой их ляд лелеять и учить?
Диалектизмы! — Слово-то какое,
Аж в животе зверино забурчит!
К ученым поселениям причастны
Мужи седые «скрозь», иль сплошь, подряд,
И «закоторились» и «задеепричастились»,
Да ведь читают, а не говорят!
Жизнь у него безночная, бессрочная,
Она как степь, как отчее крыльцо —
Неправильное, правильное, точное
Воронежское прочное словцо.

* * *

Все зыбко. Где цвета, где расстоянья?
Все плавает — предметы, звуки, свет.
Туман рассветный занижает зданья,—
Когда он в городе, то башен нет.
Он тих и мягок, в нем не зреет гром,
Не ведаешь в нем: где ты, кто ты, что ты?
Запиртал он в себя аэродром,
Где молча ждут погоды самолеты.
И залит мост летучим молоком,
И в белой заволоке даль заречная,
И призрак-пароход твердит гудком:
«Я есть!.. Плыву!.. Поберегитесь, встречные!»

* * *

Вся живность присмирела,
Листва напряжена.
Нешуточное дело
Гроза — она гроза!
И не подвластна воле
Ветров. Который год
Встает над краем поля.
Из-под земли встает.
Над помутненной далью,
Вверх, небо скрыв на треть.
Почти что вертикально,
Как раненый медведь.
Ее дома не застыт,
От корня вся видна.
Нахохлилась — к ненастью —
Степная сторона.
Подмяв последний лучик
Июньского тепла,
Перекипая, туча
Уже на курс легла.
Вся в сполохах пожарниц —
Еще беззвучен свет —
Клубится! Устрашающ
Иссиня-черный цвет.
А провода тягуче
Тоскуют, как больны.
И ролики на туче
Особенно белы.
Она растет, ярится,
Затяжелев дождем.
И белая пшеница
Вся ходит ходуном.
И мужичок обросший,
«Но-о!» рявкнув нараспев,
Нахлестывает лошадь,
На небо поглядев.

* * *

Он далеко, он, может,
Еще за сорок верст.
Но шелестит тревожно
Налившийся овес.

Еще луга не мокнут,
Лучисто в синеве.
Как по команде, смолкли
Кузнечики в траве.
И в стеблях, в нервах бродит
Грозы идущей весть,
Того, что происходит
Пока еще не здесь.
Прислушалась дорога,
Она, живая, ждет.
Повремени немного,
И ветер принесет
Глухое громыханье,
И молнии вдали
Измерят расстоянье
От неба до земли.

* * *

Рассвет с рожденья дело знает,
Он каплю каждую зажег.
Так огоньками и играет
У хаты бисерный лужок.
Вокруг березовая чаща,—
Такое в точности — ей-ей —
На старой выщербленной чашке
Родной прабабушки моей.
И с каждым мигом хорошеет
Порозовевшая лоза.
И день с веревкою на шее
Встречает, не грустя, коза.
И кочет запоздало будит,
Надутый весь и важный весь.
И все, как было, все, как будет,
Но все, как есть, но все, как есть!..

* * *

Вновь пальбу газеты доносили,
Горький дым загадочной земли.
И детей в тревожную Россию
Пароходы все везли, везли...
И, цветами затопив причалы,
Слушая гортанные гудки,
Мы тогда всем миром их встречали.
Пряча за державные штыки.

С кисточками красные пилотки,
Лица подсуровела беда.
С трапов к нам в объятья, а не в сводки
Вы попали — наши навсегда.
А фашизм приказ стволам и ротам
Огласил: все в жизни кверху дном!
Знали мы: война! А как там, что там —
Это по секрету в основном.
Осторожничали мы в беседах,
Сердцу дав нелегкий окорот.
Исчезал порой сосед бесследно,
Возвращался хмурый через год.
Глядь, потом: новехонький, на банте
Орден! В жарком шелке утонул.
У кого так с братом или с батей...
Плыл в газетах орудийный гул,
Тот, что над Испанией... и в гуле
Пестали мальчишек и меня
Люди, что не прятались от пули,
Прячась за чужие имена.

* * *

Не шелохнутся ветки,
Смотрят цветы в синеву.
В желтом венке из сурепки
Женщина косит траву.
В легкой пыльце щека,
В махе точность и сила.
Работка для мужика...
Но ведь как косит красиво!
Сбился к затылку платок,
И над губой блестя пота.
Сейчас бы воды глоток,
Но некогда. После, после...
Бидон отпотел в тени,
Пчела по нему елозит.
Давно уже нет войны,
А женщина косит. Косит.
А женщина молода,
И все в ней, умаянной, мило.
Неужто это беда
С косой ее породнила?
Всего постигая суть,
Живет, в облаках не витая,
Себе устилая путь
Подрезанными цветами.

* * *

На пригорке из-под снега
Комья черные земли.
Черный дуб в полоске света,
Птицы черные вдали.
И сугроб под окна поднят,
И в пушинках бузина.
Крыша белая и поле,
Черно-белая зима!

СНЕГИРИ

В кружевах елецких инея
Жаркогрудых птиц не счесть,
Что-то хрусткое в их имени,
Что-то снежное в нем есть.
Сне-ги-ри,
Сне-ги-ри!
Белый цвет — усталость глазу,
Да и скука заодно.
И природа ставит сразу
Кистью яркое пятно.
Сне-ги-ри,
Сне-ги-ри!
Чуть зиму принарядили,
Чтобы было веселей,—
Кисти мерзлые рябины,
Грудки теплых снегирей.
Сне-ги-ри,
Сне-ги-ри!

* * *

Уже не жгут отвесные лучи,
Виднее стали на речушке мели.
Взлетают трудно, нехотя грачи,
За лето сытное отяжелели.
Теперь — покой, где комары жилили,
И не стрельнет кузнечик из-под ног.
И длинными сукастыми жердями
Соломы опоясан колкий стог.
И крынок выставка на кольях тына,
А в огороде не на что глядеть.

Лишь желтый огурец, большой, как тыква,
Придерживает высохшая плеть.
И груши падают с макушки глухо
И разбиваются о землю вдрызг.
И на порожке греется старуха,
Чтоб на зиму теплом подзапастись.

* * *

От облачков рябое небо,
Рассеянный высокий свет.
За желтою стеною хлеба
Даль, без которой поля нет.
Она живое продолженье
Неутомимого его.
И неподвижность, и движенье,
И обещание всего.
Она про все, что было, помнит,
В ней всех земных надежд секрет.
Без дали не бывает поля
И будущего тоже нет.

* * *

Так много света, так вокруг раздольно,
Так мурава играет серебром!
И зеленеющим футбольным полем
Лежит райцентровский аэродром.
И пенсионный летчик, важный, будто
Могуществом министра наделен,
Сидит в домишке маленьком, как будка,
В окошко синий выставив погон.
Те, кто живут здесь иль когда-то жили,
Пришли чуть свет, неспешные на вид.
И на земле расселись пассажиры
И ждут — когда там в небе затрещит?
Кто с чемоданами, кто налегке.
Трет картузом глаза малыш спросонок,
И у кого-то, притомясь в мешке,
Повизгивает тонко поросенок.
А за посадкой густо пыль клубится,
Кубастый «газик» виден в ней едва.
И на лозинку стрекоза садится,
Привычный глазу слюдяной ПО-2.

* * *

В пруду и облака и гуси плавают —
И на здоровье!.. Воля... Тишина...
И старый сад в шиповниковом пламени,
И связка удочек не тяжела.

В пространстве синем, высоко средь зноя,
Как будто завершение всего —
Подсолнуха сиянье неземное,
Сиянье солнцеликое его.

* * *

Вот зарядил! Теперь уже до снега.
Сиди в избе иль в челноке гребни.
Забыли звери голос человека.
И в полной безопасности грибы.
И серою водой набухли чащи,
Не замолкает дождевой ручей.
Под тучей, мрак лохматый волочашей,
Горланит туча мокрая грачей.
И не вздохнет мотор, не хрястнет выстрел,
Ненастьем свой порядок утвержден.
И на березах по десятку листьев,
Еще не сбитых ветром и дождем.

* * *

Еще не всю листву осыпал лес,
Прострелен дымными лучами, дремлет.
А с высоты немислимой небес
Уж падает курлыканье на землю.
Все правильно... Но сердце защежит
Древнейшей грустью, той, что поселилась
В нас тыщу лет назад — и длилась, длилась,
И ей исчезновенье не грозит.
Есть что-то человеческое в том
Прощанье, в стоне над родимым краем,
Как будто это мы свой отчий дом,
Мы, а не птицы, с болью покидаем.
Мы понимаем грусть их непомерную.
Уходит клин за алый окоем.
И взглядом проводив его, наверно,
Мы Родину в себе осознаем.

* * *

У всей округи на виду
Ветра взялись за дело —
И в облетающем саду
Как будто посветлело.

Душисто-красной, как вино,
И желтой, и румяною
Листвою до краев полно
Корыто деревянное.
Зерно литое под замком,
А в яслях сено хрусткое.
И сладко пахнет жизнь дымком
И квашеной капустою.
Морозец свой нанес визит,
Одел в пушинки сосны.
И солнце над плетнем висит,
Вздохмаченное, сонное.
Но в полдень, прогоняя сон,
Опять раскочегарится —
И лето на пяток часов
Нам запросто подарится.
И крыши, вдоволь взяв тепла,
В заре белы от инея,
Вернут законные цвета,
Став красными и синими.
И пусть давно не слышно птах
И травы золочены,
На увядающих цветах
Еще хлопочут пчелы.

ВНУКУ

У меня настрой такой лирический,
Я готов обнять хоть целый свет!
Не по возрасту, а юридически
Я — законный, настоящий дед!
Потешаются вовсю друзья,
Шутки-подковырки не иссякли,
Подарили бороду из пакли
И носить велели, пригрозя.
В первый день с утра и дотемна,
Чтоб на деда смахивал облищем,
Требовали бочки три вина
Или ящик-полтора «Столичной».
Человечек маленький вырастет
В мир и ласковый, и штормовой.
И весна кроватку обтекает,
И бурюны где-то за кормой.

Все вокруг кипит, а ты не слышишь,
Но когда-нибудь ты все поймешь
И, быть может, обо всем напишешь
Или тихо, от души, споешь.
Будущий моряк ты или плотник,
Раб резца, иль кисти, иль строки?..
Дверь пока я прикрываю плотно,
Чтоб не донимали сквозняки.
А сквозняк, сквозняк злобящий века
После продерет тебя насквозь,
Чтоб из крохи сделать человека,
Чтобы с главным быть тебе не врозь.
Ты кричишь бессвязно что есть мочи,
Криком утверждая бытие.
Дышишь, милый розовый комочек,
Горлопан, бессмертие мое!

«КУКУШКА»

«Кукушка», знаменитый маневровый,
Труба — почти фабричная труба.
Парующий, замызганный, толковый,
Архаика — и все-таки судьба.
Пыхтит назло годам, хоть небо рухни,
Гудок — как озорной ребячий свист.
В окошке вкусно вытирает руки
Просаленной тряпицей машинист.
И что такое пенсия, не зная,
Не думая о старости всерьез,
Трубит почти с потопа паровоз,
Ему радешенька любая узловая.
В пейзажи станций он вписался прочно,
Развесив за собою длинный дым.
И благодарность за работу прочит
Вся магистраль, не расставаясь с ним.
Не ведает он, закопченный, лени,
Он появляется то тут, то там.
Толкнет вагоны, собирая в ленту,
Иль их растащит шустро по путям.
Давно он позабыл о расстояньях,
Он ползает на малом пяточке,
Полсотни метров — и опять стоянье,
Пока флажок вновь не вспорхнет в руке.

Навстречу далям развернувши грудь,
Украшенную жаркою звездой,
Выносятся электровозы в путь,
Его оставив с дымом-бороною.
Какие были мы, какими стали!
Вот правда без сиропа, без прикрас.
Вчерашний день и нынешний в металле
Живут, контрастом поражая нас.

* * *

Унесло за море птиц галдеж.
Все свершилось. Дремлет лес устало.
Желудь гладкий и литой возьмешь —
В пальцах ощущение металла.
Налицо серьезная работа —
Этакие меди вороха,
Будто два десятка пулеметов
Поливали злейшего врага.
В кроне дуба столько грустных дум...
Ничего не ждет он и не просит,
Он с достоинством встречает осень.
Сделал дело. Отстрелялся дуб.

* * *

Зачем очеловечивать природу?
Ведь в нас ее характер — заводной.
Кувшинки к ночи спать идут под воду,
Нырнули — и не видно ни одной.
Глаза таращишь: только-только были!
Никто не рвал их, не тянул веслом...
А сколько мы дуrom их загубили
Вчера, позавчера и там, в былом.
Охапками тащили их подружкам,
Кто больше — тот воистину герой!
Детишки их трепали... Словом, нужно
Нам за кувшинку постоять горой.
Чтоб мерка рыцарства была другая,
Чтоб диву белому не знать врагов,
Чтоб на заре, из глубины всплывая,
Светились у негромких берегов.
И ты б смотрел — из лодки, с высоты ли
Пригорка — замороженно-немой.
А если в час означенный не всплыли —
К ненастью. Заворачивай домой!

* * *

Природы нашей среднерусской
Ромашковая простота.
С души большие перегрузки
Снимают отчие места.
Как взгляд, блеснет из камышинок
Речушки синяя вода.
Мы этим жили, этим живы
И будем этим жить всегда —
Скамейкой, врытою под вишней,
Пером гусиным на лужке.
Мы все на свет отсюда вышли
С поклажей, а не налегке.
Известные и неизвестные,
Видны нам, смертным, издали —
Колодезные и небесные,
Родные сердцу журавли.

* * *

Я сердцем ее понимаю и слышу,
От писка птенца и до грома вдали.
Скрипучие сенцы, корявую сливу,
Зеленый клочок огородной земли.
Глаза мне заполнила — и порою
Все ново, что видел не раз я уже, —
Парует река. И ольшаник парует,
И дымное солнце висит в камыше.
Все в ней лицевое и все обратное —
Люблю. И покой ее и маету.
Босыми ногами я чувствую Родину,
Когда я по росному лугу иду.

СОДЕРЖАНИЕ

Улица отца	3
«В рассветных каплях яблочная завязь...»	4
«Петух купается в пыли...»	4
«Чтоб далью стала даль...»	5
«Коровы вдоль пруда бредут лугами...»	5
«Грач чистит клюв...»	6
«В закате желтом черные деревья...»	6
«Сено у оленя на рогах...»	6
Село, освобождавшее Европу	7
«Жары оглупляющей мука...»	8
«Медвежье Ухо желтую метелку...»	9
«Пруд как корыто земляное...»	9
«Хоть на закате лето, но нам знойно!..»	9
«Не могу я представить себе и во сне...»	10
«Как долго здесь осоки росли...»	10
«Вечерних облачков высотное перо...»	11
«Пятнистая луна...»	11
«По лугу лента желтая песка...»	12
«Веслом ведет девчонка ловко...»	12
«Ищу картошку прутиком в золе...»	13
«Перекатили через дамбу гром...»	13
«Вечер над песчаной Саранью...»	13
«При жизни в цвете видеть жизнь дано...»	14
«Сколько на подсолнечнике пчел!..»	14
Гимн корове	15
«Дожди и дожди... Поржавели березы...»	16
«В грязи у деревенского пруда...»	16
«Сморила нас грибная усталь...»	17
«Лес в сто цветов!..»	17
«Поезд давно уже прошел...»	18
«Светлеет муравой заросший двор...»	18
«Это все его угожья...»	18
«Белый весь, без единой кровинки, закат...»	19
Воронежское слово	19
«Все зыбко...»	20

«Вся живность пристрамила...»	21
«Он далеко, он, может...»	21
«Рассвет с рождения дело знает...»	22
«Вновь пальбу газеты доносили...»	22
«Не шелохнутся ветки...»	23
«На пригорке из-под снега...»	24
Снегири	24
«Уже не жгут отвесные лучи...»	24
«От облачков рябое небо...»	25
«Так много света, так вокруг раздольно...»	25
«В пруду и облака и гуси плавают...»	25
«Вот зарядил! Теперь уже до снега...»	26
«Еще не всю листву осыпал лес...»	26
«У всей округи на виду...»	26
Внуку	27
«Кукушка»	28
«Унесло за моря птиц галдеж...»	29
«Зачем очеловечивать природу?»	29
«Природы нашей среднерусской...»	30
«Я сердцем ее понимаю и слышу...»	30

Геннадий Яковлевич ЛУТКОВ

УЛИЦА ОТЦА

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 05.03.85. Подписано к печати 18.04.85. А 04565.
 Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
 печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,56. Усл. кр.-отт. 1,58.
 Тираж 85 000 экз. Изд. № 1111. Зак. № 355. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП,
 Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Сберегательные кассы принимают вклады нескольких видов: до востребования, срочные вклады, срочные вклады с дополнительными взносами, выигрышные, молодежные премиальные, денежно-вещевые выигрышные, условные и на текущие счета.

● По вкладам, внесенным в сберегательные кассы, вкладчикам выплачивается доход в виде процентов или выигрышей.

● Пополнить вклад можно, не посещая сберегательной кассы, для этого вкладчику следует подать в бухгалтерию своего предприятия, организации, учреждения или колхоза заявление о ежемесячном перечислении определенной суммы из начисленной ему заработной платы на счет по вкладу в сберегательной кассе.

● Новые виды вкладов дают вкладчикам ряд выгод и преимуществ. По молодежным премиальным вкладам, хранившимся в сберегательной кассе не менее трех лет, доход выплачивается из расчета 3,5% годовых. По денежно-вещевым выигрышным вкладам доход из расчета 2% годовых выплачивается в виде выигрышей — наличными деньгами или, по желанию, вкладчик может приобрести товар, пользующийся спросом населения. По срочным вкладам с дополнительными взносами, хранившимся в сберегательной кассе не менее одного года, доход выплачивается из расчета 3% годовых. Размер каждого дополнительного взноса должен составлять не менее 100 рублей.

● Советское государство гарантирует тайну вкладов, их сохранность и выдачу по первому требованию вкладчика.

Храните деньги в сберегательной кассе!

**Российское республиканское
Главное управление
Гострудсберкасс СССР**